

Евгений Аркадьевич, сыграв немало комических, трагических и трагикомических ролей, в которых раскрывается серьезная философия, вы в возрасте весьма зрелом решили стать профессиональным эстрадным певцом. А ведь в глазах многих ценителей эстрадного искусства сейчас менее, извините, почитаемо, чем драма...

- Я не согласен с тем, что эстрадное искусство ниже драматического. Оставаться один на один с публикой - это всегда требует немало мастерства. А я ничего в своей жизни не изменил, решив работать в жанре песни. Вокальным искусством занимался и раньше целеустремленно. Я всегда считал себя артистом мюзикла - просто в годы, когда постигал актерскую профессию, мюзикл у нас еще отсутствовал.

- Но вы актер характерный...

- Меня всегда считали комиком. Однако если вспомнить, многие замечательные комики впоследствии становились трагиками. Игорь Ильинский, который прославился как эксцентрический артист у Мейерхольда, потом стал драматическим актером Малого театра.

- И Олегу Ефремову удавалось объединять забавное и трагическое.

- Ефремов был социальным актером своего времени - того, когда он создавал «Современник». Ефремов играл типичного героя общества - растерянного человека, напряженно ищущего свой путь. Я помню один из первых спектаклей, поставленных им во МХАТе, - «Сталевары». На сцене установили настоящие печи, в них кидали уголь, горел огонь. Живые характеры отсутствовали. Тем не менее спектакль у Ефремова получился. Олег Николаевич стал своего рода реформатором театра...

- Вернемся к вашему творчеству?

- Я учился на факультете музыкального театра. Какое-то время работал в оперетте, но понял, что всю жизнь петь «Без женщин жить нельзя на свете, нет» для меня невозможно. Как раз в оперетте меня пытались загнать в ампулу комического артиста. Вернее, другим меня не видели. В этот момент я понял, что борюсь сам с собой. Я тогда снялся в фильме «Мама». Кстати, это был последний советский фильм (правда, снятый совместно с румынами), в котором занят Савелий Крамаров, - он уже готовился к отъезду в Америку.

- А я не помню, кого он там играл.

- Ну вот видите, как «хорошо» в те дни использовали его талант! Он в трио бродяг из осла, рыси и волчка играл волчка. Крамарова настолько сильно загримировали, что его никто не узнавал. Это раздражало артиста. В бухарестской гостинице мы жили с ним в одном номере, вот тогда я ему и сказал, что хочу сыграть драматическую роль, например, Сирано де Бержерака. Он посоветовал оставить эти мечты: «Я тоже мечтал сыграть Гамлета. Но если бы я на сцене спросил: «Быть или не быть?» - в зале все бы хохотали. Вот и ты бараном в кино родился - бараном и помрешь». Меня это крепко задело. Я решил: не хочу умирать бараном! Долго думал и понял: я все-таки не трагик. Я обожаю юмор, но соединил в работе трагическое и комическое. Это сложнейшее амплуа, у нас в нем блистали Юрий Никулин, Евгений Леонов. Есть такие актеры и на Западе - Жан-Поль Бельмондо, например. Но никто из них не пел. Мне повезло: дар петь достался мне от родителей. Папа - музыкант, мама - певица и драматическая актриса. Чтобы у меня все получилось, надо было дождаться того времени, когда мюзикл стал признанным жанром на нашей сцене.

- Но ведь возраст не ждет...

- Главное для артиста - чтобы его жизнь была долгой и не мучительной. Достичь этого помогает юмор. Я десять лет играю Холстомера, это великая трагическая роль. В моем репертуаре и царь Эдип, трагическая роль в трагическом мюзикле «Губы» по повести Набокова «Камера обскура», король Лир в спектакле «Лиромания» по трагедии Шекспира. Но этот спектакль - рок-опера! Так что, видите, я часто на сцене пою. Трагические роли требуют огромной затраты душевных сил. С этим

Евгений Аркадьевич Герчаков - народный артист России. Актер Театра Луны, но выступает и на сцене Театра у Никитских ворот. Много работает в антрепризах. За работу в философско-эксцентрической киноленте «Старуха Хармса» на фестивале «Киношок» удостоен приза за лучшее исполнение... роли старухи. Недавно Евгений Герчаков показал, что он еще и эстрадный певец с отменным вкусом. Львиная доля его репертуара - произведения зарубежных авторов, партии из мюзиклов Журбина.

Евгений ГЕРЧАКОВ:

Я НЕ ХОТЕЛ ОСТАВАТЬСЯ БАРАНОМ

можно справиться, если есть чувство юмора. Сейчас хочу сам поставить в Театре Луны спектакль-мюзикл с музыкой Максима Дунаевского по произведению Оскара Уайльда «Саломея». Недавно я сыграл в премьерном спектакле «Вива Парфюм» в Театре у Никитских ворот в постановке Марка Розовского по книге Патрика Зюскинда «Парфюмер». Но приходит день, когда хочется сделать что-то совсем новое. Ведь выступая на сцене в жанре эстрадной песни, получаешь колоссальное удовольствие, когда тебя не окружают декорации. На сцене только ты один создаешь образ. Когда я записывал диск с эстрадными песнями, надеялся, наверное, что зрители, ставшие слушателями, это почувствуют. Недавно диск вышел на фирме «Мелодия».

- Я с удовольствием слушала западную песенную классику в вашем исполнении. Увы, творения большинства современных наших композиторов слушать невозможно. И вы, естественно, ничего из этого не поете...

- У меня на диске есть очень хорошая песня Александра Шевцова - монолог актера, который я спел в финале вечера: «Конечно, я смешон, наивен и смешон, решив, что дальше сцены мира нет». Но свой новый диск хочу составить из песен Исаака и Максима Дунаевских. Стиль, который я люблю и которому следую, сейчас не очень моден. Сейчас проще выйти на сцену Укупнику и спеть свои песенки - это наш обычный уровень. В моде песни только развлекательные. Но мужи при этом дохнут. А я дружу с хорошими талантливыми поэтами. Например, с Юрой Энтиным. Он один из первых, кто «толкал» меня на музыкальную эстраду, был одним из «виновников» моего участия в фильме «Мама», сочинил тексты песен к этому фильму. Мало у нас таких песен.

Буду петь и песни Азнавура, Хампердинка, Синатры, Глена Миллера, Бернштейна, но моему, не копируя знаменитых исполнителей. Русский человек не может петь так, как западные певцы, он более эмоционален. Есть национальные тонкости, есть разница в стилях...

- Принимает ли молодежь ваш репертуар и ваш стиль?

- На моих концертах много молодых людей. Я этому очень рад. Неправда, что вкус публики, жаждущей приобщиться к искусству, обедняет и портит только сейчас. Это началось давно, когда сажали великих людей за «неправильное» понимание искусства - артистов, писателей, композиторов. Правда, композиторов - меньше: Тихон Николаевич Хренников, благородный человек, многих спас от преследования. Но все же репрессии дали себя знать. А в последующие времена, когда на эстраде главенствовали всего несколько знаменитостей, многих талантливых людей просто не подпускали к порогу искусства - ни к эстраде, ни к эфиру.

- Простите за бестактность... Существует ли у вас проблема с финансами в процессе пробования на эстраду?

- Я все-таки человек закаленный... В Театр армии меня взял великий Андрей Алексеевич Попов. Новичку было очень трудно претендовать на главные роли в музыкальных спектаклях. Но о суперзвездах театра - Зельдине, Сазоновой - я сохранил самые хорошие воспоминания. Я исповедую принцип: если вы хотите долго жить, не держите в себе обид. Когда не каждый день показываешься по телевидению, а тебя все равно любят - это ценно. Многие артисты в интервью внушают зрителям мысль, будто они являют собой стусок пороков общества. Потому что сейчас это в моде - считается, что в искусстве и в

жизни привлекательны агрессивные циники.

- Евгений Аркадьевич, все-таки не уходите от вопроса: как у вас с финансированием ваших замечательных концертов?

- Серьезные артисты, конечно, вынуждены искать меценатов. Людей бизнеса. Но умных, образованных, их-то и приглашать на свои концерты. Хотел бы сделать ремарку: люди, работающие в государственной структуре - а я и сам нахожусь на государственной службе, - должны получать хорошие деньги. А у нас все перевернуто: человек, который работает только на себя, а государству не приносит ни черта (так и напишите, пожалуйста), - богат, а тот, кто работает на государство, в сущности, ни черта не получает. Где же логика?

Я считаю, идет сознательное унижение человека. Народ оглушают, в частности, якобы смешными телепередачами. Придумавшие номера «новых русских бабок» прекрасно понимают, что адресуют эти передачи уже одуроченным людям. Многие говорят: «Нам неинтересны такие передачи». Их неприятие примитивного юмора не снобизм, а проявление хорошего вкуса. Они требуют: «Дайте нам другой юмор!» А фиг вам, говорят те, кто творит политику в области искусства. Мол, другой юмор ушел вместе с Райкиным - актером высокого полета и другими артистами, служившими высокой сатире. Жванецкий сейчас вообще неинтересен. Вдумайтесь, что он сегодня говорит со сцены (не ручаюсь за точность цитаты): «Как нам жить при новых русских? Мне сейчас самому трудно, но я на эту тему немножко поюмюрю. Как быть, когда кругом олигархи? Ха, ну как? Вот я как-то живу». Ни смысла тут, ни юмора.

- Но что делать человеку, у которого есть талант, а денег нет? И нет знакомых меценатов.

- Не кончать жизнь самоубийством, это точно.

К сожалению, одна из главных проблем русского человека - невозможность заниматься своим делом. Ведь во многих театрах есть актеры, которые не должны работать в искусстве. Кто-то актера привел, оказал протекцию, а сейчас кто-то и заплалил за то, чтобы его взяли в театр. Что уж говорить об эстраде... Талантливому артисту приходится играть с такими, с кем даже стоять рядом стыдно. А он на тебя смотрит свысока. Откуда он знает, какой ты артист? Он же тебя никогда адекватно не оценит! У великого Сергея Юрского сейчас потухшие глаза, в его творчестве нет даже иронии - дескать, что толку иронизировать, когда все ужасно?

- Может ли искусство влиять на нравы?

- Оно может пробудить добрые чувства, вызвать стремление хоть немножко поразмыслить. И еще: в театре и в кино зрители должны либо смеяться, либо плакать. Слава богу, я умею и то, и другое.

- Музыкальное, вокальное искусство, к которому вы сейчас обратились, часто не вызывает стремления смеяться или плакать. Что вы ждете от зрителя, приходящего на ваши концерты?

- Того же. Я не стремлюсь доставить удовольствие только приятной мелодией. Я и раньше пел о трагической любви. И о лирической. А между песнями что-то такое вытворяю, от чего зал смеется.

- Может, скажете о недавно ушедшем из земной жизни актере Андрее Краско? Он ведь сталкивался с проблемами, о которых вы говорили.

- Необычный актер, необычное лицо. Неожиданно появился. Явно попил слишком много водки. Не стеснялся об этом говорить. Судьба его драматична. Он ведь долго сидел в глубокой яме. Потом его заметили, он почувствовал простор, расправил крылья, стал слишком много работать - и сорел. Не смог определить, для чего ему дан потрясающий талант. Потому что долго пребывал в безвестности, пережил падение, а потом резкий взлет. У актеров без резких взлетов меньше риска сорваться, они не считают паузы в работе трагедией. Юрский тоже плохо пережил длительную паузу, когда властитель Ленинграда Романов вынудил его уйти не только из товстоновского театра, но и из города. Но ему не довелось испытать того прозябания, что выпало на долю Андрея Краско. Тем не менее... Знаете, благословенны артисты, лет десять-двадцать назад ушедшие молодыми: они не дожили до сегодняшнего телевидения. До всякой ерунды, которую нам показывают. Это лишь в какой-то степени шутка. Представьте себе Высоцкого пожимал артистом, появившимся сейчас на ТВ. Но есть актеры, которые раскрылись, став старыми и мудрыми. Жан Габен в юности не мог стать тем самым Габеном, в которого влюблялись девочки, когда ему было уже за восемьдесят. Когда я жаловался маме, что на меня, такого длинноногого, не смотрят девушки, она говорила: «Женя, подожди. Через 30 лет ты будешь нравиться женщинам?»

- И что, вы ждали 30 лет?

- Нет. Мой первый брак распался, как и второй. В этом нет ничего драматического, но я никогда не думал, что у меня будет так много жен! Считал, что это неправильно. Если уж выбрал жену, должен с ней жить. Даже если она сумасшедшая. Нет, оказывается, нельзя так жить. Великий артист Фрунзик Мкртчян всю жизнь провел с женщиной, страдающей психическим заболеванием. Я с ним был знаком и знаю, как он мучился: один из самых смешных артистов эпохи пребывал в постоянно длящейся трагедии. И оттого много пил.

- Мы затронули многие проблемы нашего искусства, жизни... Но что вам внушает надежду?

- Мой сын Егорка, ему два годика. Если бы у меня не было такого чуда, у нас с вами получилось бы совершенно другое интервью.

Беседу вел
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ

